

Павел Гусь

ПОЖЕЛУЕ

О ПАГУБЕ МЕРЗОЙ,
О СВОРЕ АЗРОЙ,
О ГАУПОЙ МУАРОСТИ,
ДА О КРУГЛОЙ АУРОСТИ.

2021

Слушай дядька, да внимай, Марфа ль ты, аль Ермолай. От начала мира сказ начну. Там зародилось, там началось. Ада́м был первенец у Бога, уж от него опосля и мы все пошли. Всем нам Адам покровитель, всему роду людскому прародитель. А жил Адам в Раю Райском в Саду майском с женою Ёвою прекрасною девою. Всё у них было, тепло, да пища, блажа́ на лица́х, да Сам Бог в Отцах, только жить-дружить, не печалиться. Да вот, змий сатани́н, пакостник хитрющий уж, как в Сад тот проскользнул, одному Богу ведомо. Адама с Евою обманул, дал им в снедь саму смерть. А те и вкусили. Гбспода не спросили. Вот те на! Оттого поныне мы и умираем, да бредим Раем. Оттого-то смерть – дверь в Небесную Твердь. Кто живёт, да зла не знает, тот в Рай попадает, а ежели зло кому любить, тому ту дверь не отворить. Но то уж ка́ждому наука, оно ведь, вот какая штука!

Воцарился тогда Тлен Великий повсюду, с родом своим смертоносным, бесовестным. Корнем, да семенем в землю-матушку, в саму жизнь вошёл, править стал, да ещё не устал. Так и правит в веках. Сам прах, жена его Порча. Мать её Скверна. Плесень дочь, да Ржа рыжа. Сыновья: Скис, Кваш, Браж, да Тухлец-молодец. Гниль со Смердом старшие, а Завья́л, да Увядай́ братья́ близнецы младшие. Ещё старуха Труха́ и дед Иссо́х, а тля, да червь вместо живности. И так много этой га́ды, что не счесть никому и не высчитать.

Во дворце они, на то́пях живут, всё погубля́ют, всё жрут. Стены дворца мшистые, лишайстые, паутина кругом, да развалины. Жабы, скнипы, да пёсьи мухи кишат в разрухе. Повсюду вонь болотная, да тоска зевотная. Фу-у-у!..

Уж, как дошли не знаю, какими неведомыми тропами, какой такой про́секой, каким пролёском, а пожаловали как-то в края те поганые, да прям в Тленов дворец мужички-дурачки́, да народец хмельной, человек так, пожалуй, в дюжину, хромотой перехожей утружены, носы в табаке, а так налегке.

Гляди-ка, а вот и сам Тлен на троне восседает, по́том грязным обтекает, всё что подают, съедает, хрустит только, да чавкает. Слуги ему вереницей длиннющей на подносах бра́шна несут всевозможные. Валуны мороженые, льды студёные, коряги плетёные, верблюжьи горбы, ядовиты грибы, мышей не счесть и всё хочет съесть. И съедает. Всё в ротище его попадает. И прям так, не жуя, и проглатывает. Вороны, да падальщики на ветках и на стенах наблюдают, упадёт что, подьедают. В общем, пир горой, да уж больно дрянной, препротивнейший.

Что такое? Замер вдруг Тлен. Округлил глазищи свои полупьяные. Шествие трапезное остановилось, вся еда на землю повалилась. Все оглядываться стали, друг на друга в испуге посматривать.

- Чую! – Тленов глас, как из бездны раздался. Кто послабже был, с жизнью прощался, а другие б бежали, да стояли, дрожали.

- Человечиной пахнет! Русским духом! – загудел Тлен нахмурившись.

Тут род его тмочисленный расступился, слуг, да прислужников толпы расправились, место перед Тленом высвободили, мужички на виду одни и остались. Стоят, кричат, зипуны, да армяки потягивают, кушачками, да бичёвками затягивают, мнутса значит.

Услыхал людей Тлен, дивился, а мужик-брат ему поклонился, шапки вон, да челом бьют. А тот, ух, и лют! Ух, и свиреп, но совсем слеп. Глазищами бегаёт, да ничего ими не ведаёт. Один мал мужичонка, в лаптёночках вперёд выступил и молвил виновато:

- Доброго тебе почивания Тлен-царь! Доброго истлевания!

- Кто такие? Чего надо? – еще громче прогремел Тлен. - На погибель вы сюда пришли, смерть свою здесь так и встретите!

Тлен орёт, мужичков страх берёт, из его пасти воняет, дух тлетворный с ног сшибает, ели выстояли. А малой мужичок, сложил ручки в кульчёк, да с хрипцою ему отвечает:

- Ты владыка на нас не сердчай. Издалеча мы пришли, да не все дошли. Только там, где живём, пьем, поём, хлеб жуём, а меж дел, зимой у нас вышел спор. И не можем никак разрешить с тех пор. Да ведь у каждого свой резон, своя правда. Вот те крест, нет у Бога нам мест. Коль ответа не найдём никогда не умрём. И тебе Тлен Великий на зуб не достанемся.

Возбесился Тлен, закрутил головой, а с неё во все стороны слизь, да гной. Кто пригнулся, а больше попрятался.

- Это как? Чтоб не умер никто, не истлел? Быть такого не может!

- Не спеши ты Тлен, нас неволить в плен, - продолжал мужичонка, отряхая слюнь, да гной с малахая. - Дозволь, речь вестить, всё как есть объяснить. Клесиа́ст многому́др нас к тебе послал, умнее его никого не знал. Всё, говорит Суета, да Тлен. С тебя, стало быть, и спрашивать. Или нам к Суете путь налаживать? А оно нам кажется, один ты помочь то и сможешь. Ты и род твой исконный, мудрых гнүсей, умнейшей погани.

Поразмыслил Тлен. Ежли сразу их съем, глупым выйду пред всеми слугами, да пред родом своим, окружением. Отпущу к Суете, хитрова́ ещё те, люд всё пуще шальной, да юродивый, на весь мир прослыву узколóбиной. Пусть бурóвят своё

мужичьё, всяку дурь, да вздор несут. Там, гляди и пожру их всех, своевольничков. Ишь, ты, спор у них! Ишь, ты сколько их!

- Говори! – отозвался Тленов глас вдали, даже вроде, помягче стал.

- Так ведь, что говорить?! Что тут долго юлить! Я, вот, Брагин Кондрат, всему всегда рад. А племяш мой Сйла, ещё тот гундйла. Но, вот, к примеру, укажи нам меру!

Мужичок со спины мешок смахнул, чарку глиняную достал, да из штофа в неё полугара плеснул. Тлену пальцем на чарку указывает.

- Силантий твердит, в половину налит, а мне, что за мзда? – половина пуста! Так прав, кто брат наш, я иль племяш? Да не спеша держать ответ. Здесь, брат, «да», тебе ни «нет»! - да и выпил до дна всю чарочку.

Тут мужик другой с бородёнкой худой вступил наперёд и, как чёрт орёт:

- Эх, ма! Была не была! А я Гридя! Тёхой кличут. Ну, раз ты судишь, говорят, коль тише едешь, дальше, стало быть, и будешь. Вот я в прошлый год на Медовый Спас держал тихо путь, да чего ж не соснуть? А проснулся - ни вóзу, ни лошади. Не доехал до ярмарочной площади. Это что ж, народ врёт, или как, Тлен? Коль Кондрату ответишь, да выдашь суть, про меня не забудь и про лошадь мою пропащую.

И ну давай скакать на месте, да ржать, как лошадь и реветь, как медведь.

- погоди ты, Грйдя. Я лошадку твою видел! Позарится-то на неё кто ж? Сам ты брата-пьяна врешь! – отозвался другой мужичок, Гридю чуть не сбивая с ног, да высокий такой, прям ходуля. Моргает, словно крыльями порхает, а язык каждый миг на губу закидывает. – Я Вышáта Умнóв! Посмотри Тлен, каков! Не трутень, не пьяница, а дурак прозывается! С чего бы так? Какой я дурак? Рассуди Тлен меня, что я хуже коня, или Тюхиной, краденной лошади?

Сказал и руки свои длиннющие, словно удочки в мужицкий рой закинул, да оттуда простеца вытащил курчавенького.

- Вот, Тлен, Ведёрко Авдей не гляди, что дуралей. У него на лбу о семи пядей пряди. А с макушки лыс, вошь серёдку сгрыз. Умный, страх! Но забывчивый. Да на оба уха глух. По губам весь его слух.

- Я вот давеча поспорил, - говорит Авдей. А с кем не помню? Ась?! Отчего так нарекли? А оттого, милоч, Ведёркой меня прозвали, что мы меры не знали. Чавой? Кто это мы? Так нас две головы. Одна пьёт, другая трезвеет, да до

времени не высовывается. У меня к тебе Тлен вопрос, всю дорогу нёс, а нынче запомнил.

И давай наперебой, мужичонки всей гурьбой, ты послухай меня, рассуди, так и так, тот дурак, сам дурак, от сутулого старья до малого, грай стоит пуще вранова.

Слушал Тлен, слушал, как толпёнка людская бузит, да роится. Да как грянет:

- Уж не шутки ль шутить вы сюда пришли?

- Да какие тут шутки, ваша тлетворность, - Кондрат икает, кричит, а ватага закралась, молчит, трусоваты людишки малость. - Мы народ сурьёзный, можно сказать тугой. Завсегда о чём-нибудь думаем. Туго-думы мы. Мы к тебе, как к отцу, нам шутить не к лицу. А коль сам не желаешь нас разнимать, пусть твой род нам ответ даёт. Мы люди не гордые. Давай Тлен так. С одного носу по вопросу. С одного «валету» по ответу. Опосля всех ты.

Тлен подумал, да кивнул. Пусть, мол, шельмы потешат нас. Уж потом-то, сожру их в раз. Мужички ободрились, в полукруг расступились, руки по бокам, а страшно дуракам.

Вышла Порча, как Тлен слепа, да уродлива. С ней слуга её верный. Да не кто-нибудь, а сам Проклят Сглаз, колесом вертит, свой единственный глаз, всё добычу себе высматривает.

К Порче вышел Добрán, Снегуром прозван, за влас седой головы с бородой, стал убиваться, да жаловаться:

- Добра сказка, мать Порча, завсегда у людей, завершается так: «мол, стали жить-поживать, да Добрана жевать». Как же слышать такое мне горько. Нас Добранов жуют, на счастливый уют, на долгу жисть, и как нам бысть? Ни Зосиму, ни Кукшу, ни Пимена, а Добрана какого-то именно.

Снегур плачет, слёзы скачут, в разны стороны, да в дуги-бóроны.

- А ты, Добран, - говорит Порча. - Меня на былинников своих наведи, все концы сказок у них заведи. Да сказуй их по-своему.

- Это, что? С тобой ходить надо, водить, да тебя как пицаль на людей наводить? Почитай мужем тебе быть. Я тебе не поводырь, да и Тлену я не соперник. Не в моём ты вкусе, ой, гуси, мои гуси, - отвечал Добран, одну руку втянув в карман, а другой затылок почёсывая.

Сглаз от дерзких слов таких, хотел было сглазить Добрана, да тот достал махорку из кармана, «козью ножку» скрутил, да так задымил, что себя в дыму и запрятал. А Порча и Сглаз тут же скрылись из глаз, духом павши, да не солоно хлебавши.

Вышли Плесень со Ржой. К ним Пармён Блажнóй, да убогий Егуб, может и глуп, а книги на всех языках читает, да всё больше вверх ногами.

- Вот ты Плесень, вот ты Ржа, а такую добрую службу нам служите, - говорит Пармён, да кладёт поясной поклон, а за ним Егуб кувырок.

Засмеялись Ржа с Плесенью, тыщу лет им не было так весело, говорят:

- Али тронулся умом, али зашибíлся лбом? Что ты мелишь вошка портошная. Когда это мы у вас в услужении были? Мы отродясь всегда вредим, портим ваше да едим.

А Пармён, не унимается, знай, своё лопочет, а убогий Егуб лаптями землю топочет, вроде как до ветру хочет.

- У кого в кишке хворá, хлеб запремый ест с утра. Лекарь из тебя Плесень-матушка снадобье целебное готовит. Ни у кого теперь не кóлит. А ты Мать-Ржа всегда ярка, да свежа. К чему не пристанешь – всё в золото превращаешь, всё зарыжаешь. Ух, и мастерица! Как царь Мидас, токмо царица.

От слов таких, Пармёновых, Ржа порыжела, Плесень побелела, ответа не нашли, да наскоро ушли.

Только скрылись, вышел дед Кивач. Шапку в руках мнёт, слово скажет, головой кивнёт, ну, прям, китайский болванчик:

- Я давно ужо не мальчик. С вранья нет никакой мне прибыли. А сюда мы дошли, прибыли с мыслию глубокою, с подоплёкою. Кто отважится ответить из вас, кто смогёт, тот во веки мудровóй прослывёт!

Тут же Гниль отозвалась, вышла словно растеклась, чёрной жижею, слюною зелёною. Видать мудрехой жаждет стать. А Кивач кивает, да хитрó продолжает:

- Была жена у меня Досада! Никакого с ней не было слада. Уж такая склочная, такая сварливая, ни тебе, Гниль, чета, не баба, а дрянь. А вот теперь глянь. Гнилая бабёнка, а перед смертью покаялась, хоть и скорбью недолго помаялась. Вроде при жизни совсем сгнила, какие там добрые дела. А Бог её принял. У нас на селе, кажный то видел, могёт подтвердить. Ты Гниль, тебе гнить, а жену мою сгноить, кишка тонкá получилось! Слаба ты мать против Бога воевать. Сгинь! Пока не перекрестил. Да и Смерд, твой брат, ой, не будет рад.

Четыре дни Лазарь во гробу лежал. Уж смердело, гнило тело, а пришёл Спаситель, воззвал «отворите», Лазарь встал и не вонял, и ел, что хотел. Так-то!

Смерд возмутился, испустил гнев свой несносный. За свою, да сестрину честь смердячую месть. Носы все позатыкали, щеки понадували, слезы пустили, такая вонь, любую бронь, уж, так смердит, вдохнёшь, что бит. Мужички в армяки закутались, супостаты от угару зажмурились. Смерд стоит, чад испущает, никого не подпускает. Аж Тлен поморщился.

Вдруг Неждан, да Поздей, из ватаги друзей к Смерду вышли чихая, да охая. Близнецы круглобокие, пехтюки-болдыри недалёкие.

- погоди ты Смерд вонять, дай хоть слово нам сказать. Мы с Поздеем тебя уважаем и чтим. Дóбру честь, да славу воздать хотим. Завсегда мы тебя поминаем, когда сами душок пускаем. Вот послухай Смердушка и наш скромный дар. Ну, что за выхлоп! Что за перегар!

Притянул Смерд носом вонь Нежданову, да Поздея услышал дух. Сам чуть не задохнулся, не запарился. Убежал куда глаза глядят, подальше от зловония мужицкого.

Оробела нелюдь, попятилась. «Коль уж Смерда людишки стравить смогли, то, куда уж нам, остальным», - подумали. А толпа мужичков осмелела, да гляди-ка ты, песни запела. Хорохориться стала, выплясывать, армяки с зипунами сбрасывать. Кивач жалейку достал, Добран трещетку призвал, Пармён на ложках, Егуб на вошках, чёшет бородёнку, визжит, да хохочет, дребедень лопочет. Вышата гуслит, Авдей голосит, Неждан на сопели, Поздей на свирели, Тюха рúbелем трещит, Сила языком свищит. Ох, и пляс, ох, и Барыня и кадрили, и Камáрина, и частушки, болтовня, чур тебя, и чур меня.

*Дрынть-дрынть, тарарам,
Ходит дурень по горам.
Муху ухом словит,
Чепуху городит.*

Кондрат вприсядку пошёл, да так забористо, так ловко, с подвыпердвертом. Руки на затылок закидывает, туда-сюда коленца выкидывает. Тленов род не устоял, головами дрыгать стал, то притоп, то прихлоп, а то присвисты. Кондрат пляшет, хлебки из штофу делает, да горланит что есть мочи:

- Да и все вы нам родня! Хоть и нечисть, да своя. Скис, да Квас, куда ж без вас, а уж Браж – дрóля наш! Никакого приволья, никакого застолья, без тебя Бражйна – мы твоя дружина. Пей, пей, наливай, да ёщё, давай-давай. Наполняй,

брат, чарки слёзами, были мы тверёзыми, а теперича-ка глянь, ой, гулёна, дурья-пьянь! На Руси есть веселие пíti, не можем, без того быти!

Тут и туша Тленова ходуном ходить стала. А царю не престало. Опомнился Тлен, заревел:

- Довольно! Что вы за лихо такое?! Никакого от вас покоя. Уж не забыли вы кто я? Я Тлен - всех съем, а вас - прям сейчас!

Да как загрохочет, как захохочет:

- О-хо-хо, а-ха-ха, полезай в мои меха!

Эхо грохотом сотрясается, мужички пригибаются, всё дрожит, дребезжит, улюлюкает.

- Стой, царь! – закричал Кондрат. – Не спеши. Уговор вначале был, да, видать, ты забыл? Уж что реветь, сперва ответь!

Тлен бровями поводит, подумал и говорит недовольно:

- Ну, что там ещё?

Мужички, недолго думая, вытолкнули из себя босого парнишку, вроде здоровый, но не слишком, одет в мешковину, колесом гнёт спину, с бубенцом на колпаке, с колотушкой в кулаке, в било стучит, ноги еле волочит.

- Кто таков?- спрашивает Тлен, а малого духом так и сносит. Мужики его пинками обратно выпихивают, да посерёдке выносят.

- Дурак Дураков, ваше безобразие, - отвечает. Из придурьных мы, идиотские, Сумасшедшей волости, Чеконúтого уезду, деревня Придурь, река Дурнушка, лесная опушка, две козы, корова, да и та не здорова.

- Что-то я о таком месте слыхать не слыхивал? – насупился Тлен.

- Так, то далеко, за Разумением, от Ума тыщу вёрст и всё верхом, на дурынде лихом.

- Чего просишь?

- У нашего брата, ваша низость, есть обычай, так сказать, пузырь бычий, так сказать, - отвечает Дурак и из-под мешковины, достает что-то плоское, да неброское. - Кто его больше надуть сможет. Тот того и гложет. Ежели твой больше будет, так и быть, ешь нас, да смотри не поперхнись. А коли мы сумеем его больше надуть, отправим нас в обратный путь. Да вот, только пузырь улететь может, дозволяй нам всем гуртом его держать.

- Будь, по-вашему. Только первым я дуть буду! Крепче ваш пузырь держите, - гремит Тлен вполсилы, а сам думает: «вот уж дурни, так уж дурни, экой ерундой меня испытывать вздумали!»

А мужички, тем временем, кушачками, да бичёвочками друг с дружкой связались, узлами завязались, к пузырю лямки, да рукава протянули, спины к спинам прильнули. «Шпарь, давай!» кричат.

Раздулись ноздри Тленовы, грудь выпятилась, ветром наполнилась, глазищи выпучились, ротище в трубу вытянулось. Пфу-у-у-у, - испустил он дух горячий, да злотворный. Одним мигом пузырь распрямился, другим растянулся, огромным шаром обернулся, взвился в небо мглистое, мужичков с собой всей ватагой поднял, да унёс. Только лаптёнки их и видели.

Шар несёт, мужичков трясёт. Из-за облака гляди да глазёнки береги. За болотами леса, за лесами, поля, за полями луга, дали бескрайние, виды безначальные, куда ни глянь, всюду земли русские, необъятные.

Ближе к ночи принёс шар мужичков на самый высокий холм, Замри-горой прозванный. Сели прямо на самый верх. Костры разожгли, хороводы править стали, победу праздновать. Да и не мудрено, самого Тлена обхитрить смогли. Погани, да гаде всей носы поутёрли.

Ведь, как надоумились? Шибко русскому люду жить тяжело стало. То мор людей косит, то скот уносит, то неурожай, то набеги, то холод цельный год, то голод нападёт, а то засуха, подчищает всё насухо. Пожить бы беспечально человеку, хотя бы с четверть веку. Вот и подумали, да так и порешили, идти в само царство Тленово. У Тлена известно, время быстрее бежит. Ежели отвлечь его на четверть часа, у людей цельных двадцать пять лет пройдёт. А за то время ничего Тлен не возьмет, ничего не тронет. Живи только, да радуйся!

Вышло всё, как и задумали – четверть века люди без истления жили, да и, слава Богу, мужичёнки тоже все живы. Вот и хлещет братва «льющееся веселье», ликует, да потешается. Хороводы водят, песни городят, да ладно так призывают:

Гора, расти!

Луна блести!

Расти гора!

В огне костра!

И немного погодя заскрипел холм, затрясся, да тихонько ввысь подался. А как только вершина его с кострами, скрылась за облачной дымкой, Кивач дед, вышел посеред, как топнет ногой, да, как гаркнет: «Замри, гора!». Все смотрят вокруг, а гора и впрямь больше не двигается, остановилась. Вдруг с маковки самой, брызг раздался родниковый. Ключ студёный забил. Вода ручьями по горе растекаться стала. Знают мужички, что если в той воде омыться, дарует она молодым - мудрость, старым - поновление, больным - исцеление, а похмельным, да бражным - радость питья сильнее в дважды. Да очищает от сглазов и порчей. Но есть еще одно волшебное свойство воды той. Омывшись ей, станешь другой. Вот окунулся мал мужичонка в лаптёночках первым, только что был Брагин Кондрат, стал Похмелкин Игнат, тот, прежний Кондрат ему в загулах и в подмётки не годится. За ним омылся и длинющий Вышата Умнов, подождал с минуту, стал Путята Дурнов, коротышка такой, с пол аршина. Кивачом был раньше дед, стал Поклонных Филарет. И каждый так же. Ведёрко Авдей - Дивей Лиходей, Добран Снегур - Кузьма Балагур, Пармён Блажной - Угрим Бережной, убогий Егуб - Демьян Правдоруб, Сила Брагин - Недóпит Фрол, Гридя Лошадник - Девятко Щегол, Неждан - Голован, Поздей - Ерофей. Вот только Дурак Дураков, не окунался, так дураком и остался. Поймал в кулак комара докучного, бросил его в воду чудодейственную, а тот из воды медведем вышел, не хуже Сморгонского, не меньше Пошехонского, в полный рост ежели встанет, до самых краёв достанет. Мальцом прозвали, за родословную.

К первым лучам солнца мужички утомились, спать завалились. Пока спали да храпели, гора медленно опускаться стала, да к утру обратно холмом сделалась. Проснулось божедурье, позевало, захотели к людям спустится, да разузнать, как те жили, пока они дурака валяли, да Тлена кривляли.

Идут, медведя ведут, в рог дудят, бубенцами гремят, ходебщики-лотошники, офени-коробейники. Уж три деревни прошли, а никого не нашли. Поют, бряцают, бурóвят, а никто не выходит. А за деревнями на пашнях, везде снопы тлеют, да дымы синеют. По местам ветер дым гонит, землю окуривает. Запах гари стоит, не выветривается. Что такое?

Смотрят, а в стогу сена селянин дрыхнет, грузный такой, мордатый, да видать, поддатый.

- Слышь, ряшка! - будят его мужички, пятку прутиком щекочат. - Куда все хватились, куда провалились?

Селянин щелкой глаз приоткрыл, мужичков оценил, фыркнул, мол, невелика птица, да снова спать надумал.

- Да проснись ты, сало! Что взаправду стало? Почитай уж с четверть века нас тут не было, - не унимаются мужички.

Покряхтел селянин, поворочался, понял, что не отстанут, пока не устанут, говорит:

- Налей. Тогда говорить буду.

Мужички ему пол ковшу полугару дают, а сами глазами с ним пьют, кадыками шевелят, облизываются.

- Вот уж, как лет двадцать с гаком, - отвечает селянин, рукавом полугар занюхивая, - как никто не умирает, ничего не загнивает, ничего не портится, всё растёт, всё водится. Закрома, да хлева, все набиты доверху. Слава Богу, огню да воде Бог волю дал. А иначе бы был вселенский завал. А так хоть сжигаем, да по рекам пускаем. Видали, столбы дымные повсюду в небо уходят? Куда нам столько добра-то?! Вон, дед Мирон всё в гробу лежит, помереть спешит, а ему уж сто двадцать исполнилось. Разленились все, разнежились. Всё есть, работать не надо, ешь до упада, спи до упада. Тоска!

Вдруг, слышат, из крайней избы кричит кто-то, да задористо так, аж, с надрывом:

- Помер, люди! Помер! Мирон помер! Радость-то какая!

Из домов стали люди вываливать. Народ тучный, неуклюжий ни дать, ни взять неваляшечки. Обнимаются, пузанами сбиваются. Было б счастье, да несчастье помогло. Похороны деда – целая победа! Хватит спать, хватит жрать, ось земная на круги своя возвернулась.

Зачесали мужички свои затылки, потупились. Хотели, как лучше, а надо, как Богу ладно. Ну, разве ж такие дела без Бога свершаются? Эх, дурья башка, что тонка кишка, ничего не варит, пока в лоб не вдарят.

Уж теперь люди живут, огурцы, да хлеб жуют. Горе терпят, время вертят да поглядывают. Как бы что не прекратило портиться, да истлевать. Время всему мать. Пусть течёт Божий счёт, не меняется.

А мужички-дурачки с тех пор бражничать, да бродяжничать перестали, медведя в лес отпустили, о Замри-горе забыли. Богу поклонились, в дури повинились. Монастырь основали, молиться не переставали. Да говорят, так Тлену и не достались. Бог их радение обратил в нетление. Ему слава во веки! Аминь.

ПОЯСНЕНИЯ

Пищаль — общее русское название ранних образцов средне- и длинноствольного огнестрельного оружия.

Сморгонь и Пошехонь – старинные русские города, где торговали дрессированными медведями, для «Медвежьей потехи».

Полугар — эталон крепости водки в Российской империи (около 38 % спирта по объёму).

Тмочисленный – (церк.-слав.) бесчисленный

Зипун – крестьянский кафтан без воротника, изготовленный из грубого самодельного сукна ярких цветов со швами, отделанными контрастными шнурами.

Армяк — старинная, русская верхняя мужская, долгополая одежда из грубой, шерстяной ткани

Кушак - пояс из широкого куска ткани или шнура

Малахай - мужской головной убор с большими ушами.

Клесиаст – (простореч.) Екклесиаст

Царь Мидас – согласно древнегреческому мифу от прикосновения царского все становилось золотом.

Жалейка, сопель, свирель – разновидность духовых музыкальных инструментов

Рубель — деревянная доска с вырубленными поперечными желобками для катания белья, накатки кож.

Трещётка - ударный музыкальный инструмент

Барыня, кадриль, Камарина – виды русского народного танца

Дроля - возлюбленный

Било - ударный музыкальный инструмент

Дурында - Глупый, несообразительный человек

Ходебщики-лотошники, офени-коробейники — в Российской империи странствующий по деревням торговец мелочами с галантерейным и мануфактурным товаром, книгами, лубочными картинками.